

К вопросу о современных подходах в изучении проблемы государственного регулирования благотворительности и меценатства в Санкт-Петербурге XVIII–XIX вв.

Исаев Алексей Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой экономики и финансов
Доктор исторических наук, профессор
fef@szags.ru

Питулько Галина Николаевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры государственного и муниципального управления
Кандидат исторических наук
pitulgal@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье речь идет о современных подходах к феномену благотворительности и вопросам взаимодействия государства и благотворительных организаций в Российской империи XVIII–XIX вв. Авторы рассматривают тему на примере Санкт-Петербурга и приходят к заключению, что в столице наиболее активно развивались ведомственные заведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

частная благотворительность, благотворительные общества, благотворительная деятельность

Isaev A. P., Pitulko G. N.

On a Question of Modern Approaches in Studying of a Problem of State Regulation of Charity and Patronage in St. Petersburg the 18–19th Centuries

Isaev Alexey Petrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Economy and Finance
Doctor of science (History), Professor
fef@szags.ru

Pitulko Galina Nikolaevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of the State and Municipal Management
PhD in History
pitulgal@yandex.ru

ABSTRACT

In this article we are talking about contemporary approach to the charity phenomenon and questions of state cooperation with philanthropic organizations in the Russian empire of the XVIII–XIX centuries. Authors are considering the present theme on the model of Sankt-Petersburg and coming to a conclusion that there are developing the capital departmental institutions.

KEYWORDS

private charity, charitable organizations, philanthropic activity

Прежде чем преступить к изложению основных методологических подходов и современных исследовательских результатов изучения общей научной проблемы государственного регулирования предпринимательства и меценатства в Российской империи XVIII–XIX вв., оговоримся, что речь пойдет прежде всего о благотворительной деятельности, которая затрагивала сферу социальной жизни и социальной политики государства. В этом смысле «предпринимательство» рассматривается нами как частная инициатива предпринимателей, касающаяся филантропии, т. е. благотворительной деятельности. Как представляется, наиболее близко по смыслу к понятиям «благотворительность», «филантропия» и слово «призрение», которое в современном русском языке уже не употребляется.

За последние 15–20 лет интерес ученых к проблематике, связанной с изучением феномена благотворительности и меценатства, заметно вырос. Следует также отметить, что еще в советский период эта тема была рассмотрена в работе А. Н. Боханова «Коллекционеры и меценаты в России» [2]. Автор сумел показать, что российские предприниматели ранга С. И. Мамонтова или же братьев Павла и Сергея Третьяковых считали своим гражданским долгом заниматься меценатством.

Одной из известных западных исследователей на данном направлении стала американка Адель Линденмайер, которая явилась автором целого ряда статей и монографии с претенциозным названием «Бедность не порок. Благотворительность, государство и общество в имперской России» [12]. Для нас принципиально значимым является следующий вывод историка — изучение феномена благотворительности позволяет существенно углубить понимание многих вопросов социально-экономических отношений, повседневной жизни российского общества, а также проблемы взаимоотношений доноров и реципиентов, т. е. меценатов и народа [10, с. 167–170].

Сейчас в фокусе научных интересов российских исследователей находится несколько важнейших тем, которые можно объединить в общее научное направление, определяемое следующим образом: «Благотворительность в России как социальный институт». Среди московских историков, занимающихся изучением вопросов благотворительности, можно выделить Галину Николаевну Ульянову, автора многих работ, в том числе обобщающего труда о благотворительности в России XIX — начала XX вв., вышедшего в издательстве «Наука» в 2005 г. в Москве [8]. Исследовательница проанализировала не только эволюцию законодательных мер в сфере принятия и реализации благотворительных пожертвований, но и рассмотрела институциональное развитие российской филантропии [1, с. 183–185]. Причем в круг специальных интересов Г. Н. Ульяновой вошло изучение законодательства, касающегося благотворительности в России конца XVIII — начала XX вв. [9, с. 17–32].

Что касается ведущих петербургских ученых-историков, то следует специально выделить не только работы, но и общественно-политическую деятельность Александра Ростиславовича Соколова, который является лауреатом премии «Золотой пеликан» и Национальной премии «Добрый ангел», специально посвященной благотворительности в современной России. Отметим, что этот ученый, долгие годы возглавлявший Российский государственный исторический архив, был одним из авторов целой серии коллективных монографий, в том числе «Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи» [4] и «Государственная Дума в России 1906–1917: историко-документальное издание» [3]. Он является автором нескольких монументальных монографических работ, в том числе исследования «Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX вв.)», опубликованного в Санкт-Петербурге в издательстве «Лики России» в 2006 г. [7]. В центре внимания ученого — становление и развитие системы так называемого «социального призрения» в Российской империи XVIII–XIX вв.

Для нас представляются наиболее важными следующие концептуальные идеи А. В. Соколова о российской благотворительности:

1. Основные социальные условия возникновения благотворительности в России и в Западной Европе вполне тождественны, однако ряд причин внутреннего характера не позволили длительное время российскому государству выполнять функции контроля за этим видом деятельности.
2. В период правления Петра Великого, а именно в первой четверти XVIII в., в России были созданы лишь первоначальные основы для государственного призрения. В основном, как считает исследователь, эта форма заботы и внимания со стороны государства распространялась на категорию неслужебноспособных воинов, а также полицейской службы, которая стремилась бороться с нищенством.
3. Наиболее активное и успешное развитие частной и общественной благотворительности в XVIII в. приходится на эпоху Екатерины Великой, когда были созданы в общегосударственном масштабе приказы общественного призрения и воспитательные дома. Как считает А. Р. Соколов, это была смешанная общественно-государственная структура.
4. По мнению исследователя, важным этапом в развитии благотворительности в Российской империи в XIX в. стало правление Александра I, когда на доходы Сохранной казны и ссудной казны т. н. Мариинского ведомства создается Императорское Человеколюбивое Общество.
5. Наконец, заметными явлениями конца XIX столетия в Российской империи в области благотворительности стало создание целой системы Домов трудолюбия и Попечительств о народной трезвости.

Помимо специальных научных исследований, рассматривающих различные периоды и стороны взаимоотношений государственных структур и общественных благотворительных институтов, также следует отметить важную роль в выработке новых научных направлений нескольких общероссийских семинаров, прошедших в России в течение 2004–2006 гг. под эгидой Международного благотворительного фонда имени Д. С. Лихачева. Эти семинары объединили исследователей из более чем сорока научных центров страны. Следует также подчеркнуть, что важнейшим явлением в научно-педагогической деятельности стали специальные курсы по истории благотворительности и социальной работы, которые читаются специалистами в более 80 российских вузах.

Напомним, что первоначальный смысл глагола «призреть», «призрывать» сводился к следующему: «дать приют и пропитание». Именно это содержание понятий «филантропия»/«призрение» и легло в основу учрежденных при Екатерине Великой в Российской империи последней трети XVIII в. приказов общественного призрения, созданных в рамках реформы губернского управления.

Что касается реформ Екатерины II, то она, создавая систему Воспитательных домов, исходила из двойственной задачи — инициативы и контроля государства в форме приказов общественного призрения, но существующих за счет «боголюбивых подаяний» частных лиц. Первые попытки соединить частную филантропическую инициативу и нужды экономики, приходится на XIX в., когда правительство предпринимает попытку использования средств приказов общественного призрения и приписки к ним суконных фабрик, никак не связанных с филантропией. Благодаря активному развитию в XIX в. новых буржуазных отношений вырастает роль и значение филантропических проектов купечества, мещанства, т. е. новых творческих сословий. Важную роль стали играть различные государственные льготы и преференции в развитии темпов и форм благотворительности. Как писал в начале XX в. Е. Д. Максимов: «...история государственного призрения <...> это процесс двух начал: с одной стороны, бюрократического <...>, а с другой, общественно-го <...> которому <...> рано или поздно была обеспечена победа» [5, с. 41].

Согласно официальной статистике, уже к началу XX в. в России действовало более 19 000 благотворительных учреждений. Все они с формальной точки зрения находились на трех уровнях подчинения: муниципальном, земском и ведомственном. И все они имели значительное финансирование за счет благотворительных пожертвований. Важно отметить, что более половины лечебных и учебных учреждений в крупнейших городах Российской империи (в том числе в Санкт-Петербурге, а также в Москве, Нижнем Новгороде и Самаре) были созданы на частные средства.

О последовательном и успешном развитии благотворительности говорят и финансовые показатели: во-первых, размеры денежных капиталов (260,9 млн руб.), во-вторых, стоимость собственной недвижимости (146,2 млн руб.), в-третьих, ежегодные доходы (60,5 млн руб.) и расходы (50,6 млн руб.) всех благотворительных учреждений России (согласно данным на 1902 г.).

Яркими примерами крупнейших частных пожертвований Ведомству учреждений императрицы Марии в дореформенный период XIX в. могут послужить следующие: так, в 1827 г. белгородский купец И. А. Сорокин пожертвовал 205 989 руб. на воспитание сирот в московском и курском сиротских домах, а также на родовспомогательное заведение в Москве, в 1847 г. великая княжна Александра Николаевна по завещанию даровала 460 639 руб. на устройство Александринской женской больницы в Петербурге, в 1855 г. почетный гражданин А. А. Коссиковский пожертвовал 108 053 руб. на Петербургское коммерческое училище, а 1860 г. отставной гвардии поручик Н. П. Засецкий пожертвовал 223 892 руб. от продажи трех имений в Пензенской, Витебской и Тамбовской губерниях и двух каменных домов в Москве — для воспитания сирот в Николаевском, Александровском и Екатерининском институтах и выдачи стипендий бедным студентам Московского университета [6, т. 1, с. 142]. Даже этот пример говорит многое о жертвователях — этими лицами были представители не только дворянства или же великокняжеских семей. Кроме того, практически всегда жертвования носили адресный характер и направлялись на поддержку бедных сословий среди обучающихся или же находящихся на лечении.

По развитию благотворительности Петербург как имперская столица значительно превосходил все другие российские центры. Здесь находились главные управления всероссийских благотворительных ведомств и обществ, которые имели отделения по всей стране. Так, по статистическим данным за 1884 г., их было 728, спустя 5 лет — уже 757, а в 1892 г. — 764, т. е. динамика роста благотворительных институтов вполне очевидна. Довольно известный российский статистик конца XIX в. профессор Ю. Э. Янсон в «Сборнике сведений о благотворительности в Санкт-Петербурге» за 1889 г. отмечал следующее: цифра населения, пользующегося подаванием и благотворительностью, составляла не менее 255 тыс. чел., или 27% всего населения столицы [11].

Что касается первых этапов становления благотворительности и филантропии со стороны государства, то начиная с 1772 г. в столице работал Императорский Петербургский воспитательный Дом, который подчинялся Ведомству учреждений императрицы Марии (ВУИМ). Ведомство учреждений императрицы Марии имело земли и здания стоимостью почти 2 млн руб. и общий капитал 10,5 млн. Кстати, подобное же учреждение было открыто первоначально в Москве в 1763 г. и имело более значительные ресурсы — земля и здания оценивались на конец XIX в. в почти в 6,5 млн, а капиталы — в более 16,5 млн руб. В Петербурге с 1766 г. функционировал Инвалидный дом императора Павла, который ведомственно подчинялся Морскому министерству.

Все петербургские городские богадельни подчинялись МВД (зданий исчислялось на сумму в 729 тыс., а капиталов — на 525 тыс. руб.). МВД ведомственно контролировал и основанный еще в 1784 г. Сиротский дом для мальчиков при евангели-

ческой лютеранской церкви Святой Анны. Волковская богадельня в Санкт-Петербурге, Родовспомогательное заведение при Мариинской больнице и Клинический повивальный институт в столице ведомственно подчинялся ВУИМУ. В Москве находились несколько богадельных домов, подчинявшихся МВД: Преображенский богадельный дом (с 1771 г.), Богадельный дом при Рогожском кладбище, Городской императорский Екатерининский богаделенный дом (Матросская богадельня) (с 1775 г.), Дом призрения князей Куракиных (с 1742 г.).

В систему ВУИМ входили в Петербурге автономные попечительства и общества: Императорское Женское Патриотическое Общество (содержало 7 школ-интернатов, 8 школ для приходящих и одну рукодельную школу, общим капиталом в 644 300 руб.), Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых (23 училища, 3 убежища для престарелых слепых, 7 глазных лечебниц, общие капиталы на 1898 г. — 2 790 000 руб.), Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых (дом для детей на 80 мест), Петербургский Совет Ведомства детских приютов (23 приюта для приходящих и 6 сиротских отделений, общие капиталы — 1 764 754 руб.).

Также в системе ВУИМа в столице располагались: 5 заведений призрения престарелых (Вдовий дом, четыре богадельни, включая Волковскую, в память цесаревича Николая Александровича, дом императрицы Александры Федоровны и Дом Анатолия Демидова), 10 больниц (Мариинская, Александринская женская, Святой Ольги, Всех скорбящих, Николаевская детская, детская больница принца Петра Ольденбургского, Елисаветинская клиническая для малолетних, глазная лечебница, Повивальный институт и пр.).

Под эгидой Императорского Человеколюбивого общества в Санкт-Петербурге на 1 января 1797 г. действовали 34 учреждения, в том числе 5 богаделен, 16 учреждений для детей, 4 швейных мастерских, 1 столовая для бедных, 1 лечебница для приходящих и пр. Здесь же было 8 местных комитетов Российского Общества Красного Креста (3 общины сестер милосердия, 3 больницы на 194 чел., 5 амбулаторных лечебниц, 1 убежище для престарелых сестер милосердия, 1 детский приют, 2 санитарных склада).

Муниципальных заведений в Санкт-Петербурге в конце XVIII в. было немного: 2 сиротских дома, городские богадельни на 3 тыс. чел., ночлежный дом, 5 городских бесплатных читален. Однако с 1900-х годов в столице начинается подъем муниципальной благотворительности, это стало возможным благодаря деятельности созданной специальной комиссии по благотворительности при городской думе под председательством благотворителя и предпринимателя Н. Н. Брусницына.

Целый ряд заведений находился под юрисдикцией сословных обществ — купеческого, мещанского, ремесленного, а также Петербургского дворянского собрания. Так, купеческая корпорация содержала Николаевский Дом призрения престарелых и увечных граждан, Чесменскую богадельню и богадельни купцов I гильдии — Садовникова и Герасимова и пр.

В Северной столице также успешно развивалась и церковная благотворительность. По инициативе Русской православной церкви были сформированы и работали 107 благотворительных заведений для горожан. Помимо этого в столице действовал целый ряд иностранных иноверных организаций, которых также можно отнести к благотворительным. Так, с 1898 г. функционировало Мусульманское благотворительное общество. Его учредителями являлись генерал-майор Султан Вали-Хан и статский советник, служащий Государственного Банка Д. С. Смольский. Это общество содержало начальную школу для бедных детей, устраивало так называемые «восточные вечера», выдавало стипендии студентам-мусульманам и пр.

Специфика меценатства в Санкт-Петербурге заключалась в следующем: многообразии видов и типов заведений, активном развитии ведомственных благотворительных заведений министерств, особенно МВД. Также существовало огромное

число заведений, основанных на частных пожертвованиях. В городе действовали богадельни Елисеевых, Тарасовых, Белосельских-Белозерских, Михайлова, графа Апраксина, княгини Салтыковой, Кушелева-Безбородко, Петровых, княжон Волконских, Брусницыных и т. д. Доля дворян-благотворителей в Санкт-Петербурге была намного выше по сравнению с другими российскими городами.

Вообще в сфере благотворительности в Российской империи проявлялся определенный дуализм: максимум государственного регулирования при минимуме государственного финансирования. В пореформенный период с введением новых органов муниципального и земского управления большинство благотворительных учреждений стало возникать под юрисдикцией местных органов. Этому способствовало и развитие законодательной базы государства — выведение регистрации благотворительных обществ из-под центральной юрисдикции в сферу компетенции местного самоуправления.

В имперский период в России получили развитие все основные формы и типы благотворительной помощи — от огромных пожертвований на строительство больниц, школ и богаделен до пособий бедным в виде мелких сумм (50 коп.) или же просто вязанки дров. Так, в конце XIX — начале XX вв. число бедняков, получавших вспомоществование, составляло 3 млн чел. При этом Петербург выступал в роли общеимперского центра, где действовали руководящие органы всероссийских филантропических объединений. Как утверждает Г. Н. Ульянова, в политических условиях Российской империи при высокой степени централизации власти благотворительные институты выступали в качестве элементов формирующегося гражданского общества. С этой точки зрения именно филантропы демонстрировали опыт гражданской самостоятельности и активной общественной позиции.

Следует обратить внимание на некоторые дискуссионные в современной научной исторической литературе темы, и одна из них связана с обсуждением степени влияния государства и государственных институтов на филантропию.

Некоторые ученые, исследующие проблемы взаимоотношений государственной власти и благотворительных институтов, высказывают точку зрения, что само явление филантропии развивается как в тесном союзе с государством, так и в прямой конфронтации с нею. К примеру, в 1882–1889 гг. в Российской империи наметился непродолжительный спад благотворительной деятельности в сфере народного образования. Это было связано, как считает А. Р. Соколов, с удачей проведенных правительством реформ в армии и действенной поддержкой отставников и инвалидов через Комитет о раненых и других структур.

Многие исследователи признают, что, несмотря на смену характера абсолютизма в течение XVIII–XIX вв., традиционное для крестьянской среды христианское «нищелюбие» как форма общественной и общинной взаимопомощи сохранилась до начала XX в. Вопреки мнению большинства историков, профессор А. Р. Соколов считает, что благотворительность не способна играть роль воспитателя или «социального регулятора» в обществе, т. е. она не в состоянии решать крупномасштабные социальные задачи. Как нам кажется, ученый несколько противоречит сам себе, с одной стороны, признавая значимость государственных реформ, в том числе второй половины XIX в., затрагивающих многие социально значимые сферы, а с другой стороны, в определенном смысле принижает роль народных, в том числе общинных традиций в развитии филантропии.

Обобщая накопленный опыт научных разработок, можно утверждать, что наименее исследованным направлением стало изучение вопросов социально-экономической эффективности благотворительности и меценатства. Очевидно, что сама структура, механизм и параметры филантропии в каждый исторический период были неразрывно связаны с существовавшими политическими и общественными условиями.

Литература

1. Аксенов А. И., Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX вв. // Российская история. 2007. № 3. С. 183–185.
2. Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989.
3. Государственная Дума в России 1906–1917: историко-документальное издание. СПб., 2006.
4. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001.
5. Максимов Е. Д. Общественная помощь нуждающимся в историческом развитии в России // Благотворительность в России. Т. I. СПб., 1907. С. 41.
6. Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб., 1884, Т. 1.
7. Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX вв). СПб., 2006.
8. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX вв. М., 2005.
9. Ульянова Г. Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII — начало XX вв.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17–32.
10. Ульянова Г. Н. А. Линденмайер. Бедность не порок. Благотворительность, государство и общество в имперской России // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 167–170.
11. Янсон Ю. Э. Сборник сведений о благотворительности в Санкт-Петербурге. СПб., 1889 г. Т. 1.
12. Lindenmyer A. *Poverty is not a Voice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*. Princeton, 1996.

References

1. Aksenov A. I., Ulyanova G. N. *Charity in the Russian Empire. XIX — beginning of the XXth centuries* [Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi imperii. XIX- nachalo XX vv.] // Russian History [Rossiiskaya istoriya]. 2007. N 3. P. 183–185. (rus)
2. Bokhanov A. N. *Collectors and patrons in Russia* [Kollektsionery i metsenaty v Rossii]. M., 1989. (rus)
3. *The State Duma in Russia 1906–1917: historical and documentary edition* [Gosudarstvennaya Duma v Rossii 1906–1917: istoriko-dokumental'noe izdanie]. SPb., 2006. (rus)
4. *Institute for a general governorship and vicegerency in the Russian Empire* [Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossiiskoi imperii]. SPb., 2001. (rus)
5. Maximov E. D. *Public aid needing in historical development of Russia* [Obshchestvennaya pomoshch' nuzhdayushchimsya v istoricheskom razvitii v Rossii] // Charity in Russia [Blagotvoritel'nost' v Rossii]. V. I. SPb., 1907. P. 41. (rus)
6. *Collection of data on the capitals of Department of institutions of the empress Maria* [Sbornik svedenii o kapitalakh Vedomstva uchrezhdenii imperatritsy Marii]. SPb., 1884, V. 1. (rus)
7. Sokolov A. R. *Charity in Russia as the mechanism of interaction of society and state (the beginning of XVIII — the end of XIXV)* [Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeistviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII — konets XIX vv)]. SPb., 2006. (rus)
8. Ulyanova G. N. *Charity in the Russian Empire. XIX–beginning of the 20th centuries* [Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi imperii. XIX — nachalo XX vv.]. M., 2005. (rus)
9. Ulyanova G. N. *The legislation on charity in Russia (the end of XVIII – beginning XXth centuries)* [Zakonodatel'stvo o blagotvoritel'nosti v Rossii (konets XVIII — nachalo XX vv.)] // National History [Otechestvennaya istoriya]. 2005. N 6. P. 17–32. (rus)
10. Ulyanova G. N. A. Lindenmayer. *Poverty is no crime. Charity, the state and society in imperial Russia* [A. Lindenmaier. Bednost' ne porok. Blagotvoritel'nost', gosudarstvo i obshchestvo v imperskoi Rossii] // Questions of History [Voprosy istorii]. 1998. N 2. P. 167–170. (rus)
11. Yanson Yu. E. *The collection of data on charity in St. Petersburg* [Sbornik svedenii o blagotvoritel'nosti v Sankt-Peterburge]. SPb., 1889. V.1. (rus)
12. Lindenmyer A. *Poverty is not a Voice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*. Princeton, 1996.